

Лекция 3. Номинация как процесс. Названное и неназванное вокруг нас.

Одна современная научно-популярная книга, изданная в России («Как возникают названия», автор – Е.И. Голанова), начинается такими словами: «Всё в окружающем нас мире имеет название». Так ли это?

Человек живет в мире вещей. Но в то же время он живет и во втором, параллельном ему мире – мире слов. Отсюда проистекает иллюзия, что каждому предмету соответствует свое название. И кажется, что даже если, скажем, я не знаю названия этого конкретного предмета, то должны быть другие люди, которые это название знают...

На самом деле человек поступает в этом отношении в высшей мере избирательно: он называет только то, что ему ближе всего, нужнее всего. Приведу пример. Один мой знакомый купил в магазине пару обуви. Туфли были известной фирмы, очень хорошего качества. Однако буквально на второй день обнаружился дефект. Дырки для шнурков окружены такими металлическими окантовками, колечками – наверное, для того, чтобы шнурки лучше скользили и не рвали кожу. Так вот одно из таких колечек выпало. Мой знакомый задумался: а как сказать: что выпало? Как называются эти детальки обуви? А никак. Ему пришлось принести в магазин туфли и показать продавцу. «А-а, -- *блочки*, -- обрадовался тот. – Сейчас заменим».

Я попробовал провести мини-эксперимент. Попросил 10 человек, своих знакомых, назвать, из чего состоит обувь – перечислить всё, вплоть до мелких деталей. В результате были получены более 60 разных названий. Какие-то из них повторялись много раз (так, все десять испытуемых упомянули *подошву* и *шнурки*, 9 человек – *каблук*, 8 – *стельку* и *набойку*, 6 – *голешище* и *задник*). Встречались даже такие экзотические детали, как *уши*, *бант*, *стразы*, *пуговица*... Но ни один человек не упомянул окантовочки в отверстиях для шнурков. Может быть, виновато отсутствие для них общепринятых названий? Не получается ли, что то, что не имеет названия, как бы и не существует для нас? Как писал Н.И. Жинкин, «любая вещь, даже воображаемая, к какой бы области сенсорики она ни относилась, может стать заметной только если имеет имя» («Речь как проводник информации»).

Ну хорошо, допустим, детали обуви – довольно специфическая вещь, мы имеем право не знать, как они называются. А вот наше собственное тело

– уж что́, казалось бы, может быть нам более знакомым? И, тем не менее, здесь, как на географической карте, полно словесных белых пятен. Спросим себя: как называется по-русски верхняя часть головы, между лбом и теменем (макушкой)? Да только так, описательно, и называется: *верхняя часть головы*. А тыльная сторона ладони? Тоже по-другому не скажешь, только: *тыльная сторона ладони*. Как называется место между носом и губой? Никак, скажете вы: а зачем его специально называть? А пальцы: назовите их по очереди. В ответ мы получим: *большой, указательный*, затем, с некоторой заминкой, *средний, безымянный*, и, наконец, с облегчением: *мизинец*. А пальцы на ноге? Ну, *большой* и *мизинец* мы еще выделим, а остальные просто пронумеруем: *второй, третий*... А выемки, промежутки между пальцами – как они называются? Ну, уж это слишком...

Конечно, называние – необходимое условие познания. Есть такой афоризм: «Назвать – значит понять». И в нем – значительная доля истины. Хотя Выготский когда-то сказал: «Название никогда не бывает в начале своего возникновения понятием». Это значит – называя предмет, мы еще не осознаем его сущности, не осознаем в полной мере его места в системе вещей. Это знание придет позже... И, тем не менее, присваивая предмету имя, мы делаем на пути познания первый шаг: мы выделяем предмет из всей массы ему подобных, мы его **замечаем**. А это – основа для того, чтобы в дальнейшем работать с ним, оперировать им. Известно множество свидетельств того, как удачно выбранное название стимулировало дальнейшую деятельность человека.

Может быть, самый известный пример – слово *кибернетика*, придуманное американским физиком Норбертом Винером (1894 – 1964) для нового направления науки. В 40-е годы XX века Винер со своими сотрудниками занимался изучением весьма разнообразных объектов, в том числе функционирования живого организма, процессов, протекающих в обществе, математического обеспечения расчетов артиллерийской стрельбы и т.п. И было непонятно, что́ все эти исследования объединяет. И только когда Винер назвал свою книгу «Кибернетика» (от греч. *kybernētiké* ‘искусство управления’), т.е. «наука об управлении и связях», новая дисциплина получила общественное признание и стала стремительно развиваться. Сегодня кибернетика прочно заняла свое место в системе научных исследований.

Но вот пример посвежее, возникший на наших глазах. Тысячи лет человечество занималось торговлей, а это значит закупкой, перевозкой,

хранением и продажей товаров. И только в конце XX века люди поняли, что есть основания выделить эту сферу деятельности (транспортировку, распределение и хранение товаров) в отдельный вид, и назвали ее *логистикой*. Сегодня есть уже масса фирм, которые занимаются логистикой, есть теоретические труды и практические рекомендации по логистике; логистика появилась в списке специальностей, на которые набирают в вузах студентов. И даже кажется странным, что раньше логистики не было.

Конечно, название, номинация, как и вся речевая деятельность, обусловлена культурой данного социума. Польский языковед Витольд Дорошевский обращал внимание на факты **излишней номинации** – он называл их «языковым бюрократизмом». В частности, он рассказывает, как еще перед Второй мировой войной, будучи в Германии, зашел в Гамбурге на почтамт и был удивлен тем, что перед лестницей, ведущей на второй этаж, была табличка: Тгерре, т.е. «лестница». Название в таком случае может служить как бы самодостаточным эквивалентом самого предмета. В той же книге Дорошевский рассказывает, как две немки, оказавшись на курорте, пошли гулять к морю. И когда они дошли до указателя Zum Aussichtspunkte, т.е. «К месту обзора», одна из них воскликнула: Ach, wunderschön!, т.е. «Ах, прекрасно!» – надписи было ей уже достаточно, дальше можно было не идти...

Каждое общество определяет не только что нужно называть, но и что **нельзя** называть. Это так называемые табу. Известно, что в древних обществах запрещалось называть по имени самых почитаемых и дорогих людей – вождя племени или близких родственников. Табуировались названия животных, на которых охотились или которые представляли собой наибольшую опасность. Чтобы не накликать несчастье, нельзя было называть смерть, болезнь, нечистую силу.

В современных социумах запрет на употребление названий может быть связан с моральными или идеологическими установками. В таком случае используют смягченные названия: эвфемизмы. Примерами могут служить такие случаи, как *пожилой* вместо *старый*, *полный* вместо *толстый*, *онкология* вместо *рак* (*У нее онкология*), *ритуальный* вместо *похоронный* (*ритуальные услуги*), *развивающиеся страны* (или *страны Третьего мира*) вместо *слаборазвитые* (или *неразвитые*) *страны*, *анти-террористическая операция* вместо (*локальная*) *война*,

несанкционированный отбор вместо *воровство* и т.п. Об использовании эвфемизмов тоталитарными режимами мы уже говорили.

Но в данном случае я хочу порассуждать о другом – о самом процессе выбора названия. Рассмотрим сначала несколько ситуаций спонтанной разговорной речи.

Допустим, человеку, говорящему по-русски, надо сказать что-то про мобильный телефон. Он может употребить в своей речи словосочетание *мобильный телефон* или воспользоваться одним из существующих однословных названий: *мобильник*, *мобила*, *сотовый*, *сотовик*, *сотик*, *труба*, *трубка*, *ручник* и т.п. Понятно, почему в этом случае выбор так широк: сам предмет еще сравнительно нов, и названия не «отстоялись», не установились. Со временем, наверное, победит какая-то одна номинация. Но выбор конкретного слова из данного ряда, в общем, довольно случаен. Если что-то говорящий здесь оценивает, то, пожалуй, лишь степень разговорности. А первоначальная мотивировка данных названий («Почему предмет так назван?») уже роли не играет, она стирается, и человек как бы «забывает», что он имеет дело с мобильной или сотовой связью – названия *мобила* или *сотик* существуют сами по себе...

Можно подтвердить этот комментарий литературными свидетельствами. Приведу цитату из книги Льва Успенского «Записки старого петербуржца»:

«На Невском, между Владимирским и Николаевской, на нечетной стороне проспекта, был тогда открыт первый то ли **«синематограф»**, то ли **«иллюзион»**, а, может быть, даже и **«биоскоп»**, -- слово еще не утряслось, не кристаллизовалось. Имя ему было – “Мулен руж”».

И здесь новое явление имеет множественное название, которое со временем «монополизируется», узаконивается в слове *кинематограф*, или, сегодня, *кинотеатр* или, еще короче – *кино*. Причем вариативность, присущую названию на определенном этапе, можно понимать двояко: или это один человек в ту пору называл кинотеатр *синематографом*, другой – *иллюзионом*, а третий – *биоскопом*, или же один и тот же человек употреблял то одно, то другое, то третье название.

Во втором случае психолингвистическая сторона выбора заслуживает более подробного рассмотрения. Равноценны ли «кандидаты» на роль необходимого названия? По каким признакам происходит их отбор? Как сужается сфера поиска слова? Вот пример реальной ситуации (собственная запись, 2005 г.). Женщина, примерно лет 50-и, рассказывает о кинофильме.

«Рекламу видела фильма. Название... не помню – «Сны»? «Сновидения»?.. Но артисты задействованы – весь цвет. Причем сказали, что узнать вам их будет трудно... Михалков там... Нет, «Прятки» -- вот как называется! [минутная пауза] **Не «Прятки», а «Жмурки»! «Жмурки»!!»**

Здесь говорящий выбирает название из некоторого ряда слов, обладающих определенной семантической общностью («представление о чем-то скрытом, неявном»). Причем любопытно, что постепенное сужение лексического поиска (*сны – сновидения – прятки – жмурки*) происходит в определенных грамматических пределах: говорящий как бы изначально знает, что это существительное, причем во множественном числе!

Приведу теперь пример из сборника «Русская разговорная речь. Тексты» (М., 1978; знаки препинания в оригинале по понятным причинам отсутствуют; паузы обозначены косячками, у нас они заменены многоточиями):

«...А в Куоккале были такие... **бетонные или цементные я не знаю**... дорожки... Но не у самой воды... а так... по краю».

Здесь многие свойства обозначаемого говорящему безусловно известны: это ‘твердый, как камень’, ‘используемый для строительства’, ‘серого цвета’ и т.п. Вместе с тем, говорящий считает необходимым эксплицировать свои номинационные сомнения: *бетонные или цементные, я не знаю*. Любопытно, что рядом он прибегает к еще одному типичному для разговорной речи средству, используемому в затруднительных ситуациях: к местоименному субституту: *не у самой воды, а так* (т.е. ‘поодаль, на некотором расстоянии’).

Подобные примеры помогают лингвисту смоделировать не только процесс поиска лексемы, но и внутреннее строение всего лексического состава. Логично предположить, что весь лексикон распадается на некоторые глобальные смысловые сферы (типа «Абстрактные отношения», «Пространство», «Материя», «Интеллект», «Эмоции» и т.д.). Эти сферы подразделяются на темы, те, в свою очередь, на семантические группы и подгруппы и т.д. Такой **тезаурусный** принцип строения лексикона не только отражается в соответствующих «тематических» словарях (классический образец – «Тезаурус английских слов и выражений» П.М. Роже (P.M. Roget)), но, по-видимому, в значительной степени соответствует последовательности реальных процессов, протекающих в сознании человека. Об этом говорят не только случаи сомнений говорящего при

выборе слова, но и случаи явных ошибок – обмолвок. Следующая иллюстрация – из того же сборника «Русская разговорная речь»; беседа на сей раз идет о музыке:

«...Это такой крепкий фундамент получается! Вы знаете?! Потому что... обычно... когда играешь... то думаешь **о левой... о правой** руке. **Правой** руке больше поручено гораздо».

Говорящий, несомненно, знает, что основной рабочей руке (обычно – правой) пианист уделяет больше внимания. Но в его сознании эпитеты *правая* и *левая* теснейшим образом связаны. И происходит механический сбой, одно слово из той же семантической подгруппы «выскакивает на поверхность» вместо другого.

Все эти ситуации – с множественным (вариативным) названием и с неточным (приблизительным или ошибочным) названием – вполне естественны и типичны, знакомы каждому человеку. Отражаются они и в художественной литературе. Приведу цитату.

«Вениамин Гонт бережно вел подопечного, твердо держа его за рукав. Коробейников безусловно подчинялся направляющей руке своего **брата? или друга? или проводника?**» (В. Нечаев. Последний путь куда-нибудь).

Говорящий – в данном случае рассказчик, – не уверенный в выборе слова, предлагает читателю весь спектр, весь набор подходящих лексем. Понятно, что не каждый писатель и не в каждом произведении себе такое позволит. Это свойственно авторам, исповедующим тонкий психологизм. С одной стороны, таким образом отражается реальная разговорная речь, с ее обрывами, перебивками, колебаниями и исправлениями. А с другой стороны, читатель как бы приглашается в соавторы, в соучастники речемыслительного процесса. Такая игра в метаязыковую рефлексивную рефлексию характерна, например, для идиостиля московского прозаика Андрея Битова, ср. следующие цитаты:

«Великолепный **водитель? шофер? капитан?** лениво и чересчур пластично поднимается с нагретых досок [...] и, как бы не глядя на дам, проходит сквозь нас и занимает свое место **у руля? штурвала? баранки?**» (А. Битов. Уроки Армении).

«Перед ним затемнело что-то большое, высокое и округлое вверху. Он передумал всякое, это ему представлялось даже огромной головой, хотя он уже понимал, что это **скирда, или стог, или копна – как это там называется...**» (А. Битов. Роль).

«“Есть! Есть еще выход... **Затеряться среди людей, раствориться в них... слиться, исчезнуть... уподобиться, сравняться,**” -- чем больше находил он смирения в глаголе, тем больше тот устраивал его. Глаголы эти цепенели в теле Монахова, и боль утихала» (А. Битов. Роль).

Это состояние «блуждания вокруг денотата» (по выражению московского профессора Майи Валентиновны Ляпон), несомненно, отражает процессы, происходящие во внутренней речи. Поиск нужного слова ориентирован на определенную лексико-семантическую группу, а уже на следующей ступени он фокусируется на конкретной лексеме.

Классическим образцом такого поиска для русскоязычного читателя является рассказ А. П. Чехова «Лошадиная фамилия». Сюжет, напомним, таков. У отставного генерал-майора разболелись зубы и надо найти человека, который их успешно заговаривает (лечит). «Фамилия простая, как бы лошадиная». Все окружающие пытаются помочь, напоминают варианты: *Жеребцов? Жеребчиков? Кобылин? Конявский? Копытин? Тройкин? Меринов?* Что еще может быть связано с лошадьё? В конце концов, когда уже было поздно (зуб вырвали), оказалось: искомая фамилия -- *Овсов!* (Действительно, овес – типичный корм для лошади.) В рассказе челядь генерала, его окружение, пытается реализовать тему «лошадь» в разных семантических направлениях: «виды лошадей» (*Жеребцов, Жеребчиков, Кобылин...*), «части лошади» (*Копытин*), «способы использования лошадей» (*Тройкин*) и т.п. И это вполне правдоподобный способ ассоциирования.

Слово как элемент словарного запаса, хранящегося в голове человека, представляет собой узел семантической сети, одновременно связанный различными, многомерными связями с другими подобными узлами. Существует целый ряд специальных работ (на русском языке – А.А. Залевской, Р.М. Фрумкиной, Н.В. Уфимцевой, А.П. Клименко и др.), посвященных организации лексикона в сознании человека; я сейчас на них не буду останавливаться.

Поскольку говорящий, выбирая слово, в обычном случае довольно сильно ограничен временем, а пробы и исправления его не очень устраивают, то он либо удлиняет паузы, либо использует то, что считается типичным проявлением **хезитации** (речевых колебаний). Для русского языка это междометия, необязательные вводные слова и тому подобные «речевые паразиты»: *э-э, м-м, это, ну как его, того, в общем, как сказать, что называется* и т.п. В разговорной речи это тоже вполне естественное

явление. Уже цитировавшийся ранее поэт Александр Кушнер написал в одном стихотворении:

Меня, как всех, не раз, не два
Спасали вводные слова,
И чаще прочих среди них
Слова «во-первых», «во-вторых».
Они, начав издавека,
Давали повод не спеша
Собратсья с мыслями, пока
Не знаю где была душа.

Бывает, что говорящий выбрал и произнес конкретное слово, но, тем не менее, остался недоволен сделанным выбором. Тогда он может обратиться на это внимание слушающего, специально об этом сказать. В частности, для этого используются оговорки типа *как говорят, можно сказать, так называемый, что ли, как это, типа, не то чтобы, а...* и т.п., в письменном тексте – кавычки и другие пунктуационные средства. Соответствующие примеры:

«Этот господин [о Набокове] весьма повязан материальным миром. И именно в этом смысле он для меня слишком **«современный», что ли**» (С. Волков. Диалоги с Иосифом Бродским).

«По соседней улице проходила трамвайная линия, на ближайшем углу была фабрика-кухня, а напротив – стена неизвестного монастыря, **хотя, может быть, отнюдь не монастыря**» (В. Пьецух. Предсказание будущего).

Конечно, у человека в ходе порождения текста есть и другие варианты речевого поведения. В частности, если подходящее слово не всплывает в памяти или же кажется излишне «детализованным», говорящий может воспользоваться более общим (родовым) названием -- гиперонимом. Например, вместо *шумовка* сказать *поварешка*, вместо *фолиант* – *(толстая) книга*, вместо *мобильник* – просто *телефон* и т.п. Эта ситуация имеет отношение не только к номинации, но и к когнициии, к познавательному процессу.

Дело в том, что отнесение предмета к той или иной категории связано с определенным уровнем обобщающей работы сознания. Говоря иначе, категоризация действительности может иметь различные уровни, и эти уровни обобщения закрепляются в соответствующих словах. Об одном и

том же предмете мы можем сказать: *фрукт, яблоко, антоновка*. Но в подобной иерархии названий один из уровней (средний, промежуточный) является основным, базовым. В нашем примере это, конечно, яблоко. Вряд ли, оказавшись на рынке, мы скажем: «Смотри, какие фрукты!». Маловероятно и чтобы мы сказали: «Смотри, какая антоновка!». А вот «Смотри, какие яблоки!» - совершенно естественная фраза. Названия, относящиеся к базовому уровню категоризации, отличаются некоторыми свойствами. Они должны быть однословными, причем это, как правило, слова производные, характеризующиеся относительно высокой частотой употребления и стилистической нейтральностью. Формирование базовых категорий человеческого мышления опирается не только на чувственное восприятие, но и на ментальные образы и роль соответствующих реалий в культуре. Это было установлено во второй половине XX века исследованиями американского психолога Элеоноры Рош и ее коллег.

Но что значит – роль реалий в культуре? Скажем, современный горожанин, житель Москвы или Минска, довольно уверенно выделяет из всех птиц голубя, воробья, ворону, синицу (не говоря о крупных видах – аистах и т.п.). Но для всех остальных птиц он склонен использовать гипероним *птица*. Слова вроде *иволга* или *трясогузка* остаются для него пустыми оболочками, он неспособен их идентифицировать с реальными объектами. Точно так же носитель русского языка хорошо различает розу, тюльпан, гвоздику, ромашку... А вместо многих других названий цветов он употребляет обобщенное *цветы*, что свидетельствует об обеднении «природной» части его лексикона. Это тревожит сегодня социологов, экологов, культурологов. Педагоги особенно обеспокоены оскудением словаря подростков. Героиня рассказа «Акселератка» Виктории Токаревой так отзывается о своих сверстниках:

«...Знать много слов совершенно не обязательно. Мальчишки в нашем классе **вполне обходятся шестью словами**: точняк, нормалёк, спокуха, не кисло, резко, структура момента».

И дело здесь, конечно, не только в экспансии жаргонизмов, но и в исчезновении «обычных» слов. Вот как пишет уже цитированный мною Андрей Битов:

«Видовое разнообразие живого стремительно тает, впереди этой трагедии отмирают слова, они погибают раньше. Сетовать ли на обеднение словаря или воспринимать его как предупреждение, следующее с опережением...?» (эссе «Битва»).

Проявлением процесса обеднения лексикона может быть также активизация существительных-субститутов типа *штука*, *штуковина*, *фиговина*, *дело*, *вещь* и т.п. Это тоже вполне реальный факт современной русской речи. Данные слова универсальны по своей референтной отнесенности, то есть применимы к множеству реальных предметов, но денотативно пусты, как местоимения, ср.: *Дай мне эту штуку...* (так можно сказать про стамеску, фен, тёрку, карниз для занавесок, подставку для чайника и многие другие предметы).

Поскольку выбор номинации обусловлен лексическим запасом говорящего и его предшествующим (не только речевым) опытом, то в этом смысле он индивидуален. В следующем примере я продемонстрирую весьма своеобразный синонимический ряд в идиолекте конкретного персонажа.

«Я пошел на Нотр-Дам и снял там **мансарду**. **Мансарда**, **мезонин**, **флигель**, **антресоли**, **чердак** – я всё это путаю и различия никакой не вижу. Короче, я снял то, на чём можно лежать, писать и трубку курить» (Вен. Ерофеев. Москва – Петушки).

Затруднения в выборе конкретного слова могут приводить говорящего к окказиональным, разовым номинациям: выбирается слово, которое ближе других «оказалось под рукой». Пример из русской классической литературы:

«-- ...Избирайте, сударь, избирайте немедленно: или я, или этот... **винт!** Да, винт! Я сказал нечаянно, но это – **винт!** Потому что он винтом сверлит мою душу, и безо всякого уважения... **винтом!**

-- Не штопор ли? – вставил Ипполит.

-- Нет, не штопор, ибо я перед тобой генерал, а не бутылка...» (Ф.М. Достоевский. Идиот).

Здесь генерал Епанчин ищет подходящее сравнение -- название для человека, который его раздражает, внедряется в его душу, буравит ее, сверлит... И из всех возможных слов – *сверло*, *бурав*, *штопор*, *бур*, *винт*... он выбирает случайное, наименее подходящее *винт* (случайное, потому что винт как раз не сверлит!).

Но выбор «чужой», окказиональной номинации может быть оправдан эстетической сверхзадачей. Это значит, что говорящий проделал определенную мыслительную работу, соотнося два понятия, и выбрал не прямое, замаскированное (чаще всего метафорическое) наименование. Примеры:

«Еще до Кубелика два дельца-предпринимателя, один из Мюнхена, другой из Гамбурга, решили основать крупное дело. Куда вернее всего положить деньги? В это время пошли большие разговоры о скрипках Добрянского. Это были **соболя**» (М. Лоскутов. Немного в сторону; в данном контексте *соболя* означает ‘ценности’. Ранее в рассказе говорилось о том, что соболий мех обладал в те времена наибольшей ценой).

«По телевидению смотри девятую программу, остальное всё **зола**» (А. Стругацкий, Б. Стругацкий. Хищные вещи века; здесь *зола* – ‘чепуха, глупость’).

«...Мы решили как-нибудь отпраздновать это событие и купили белые обои с зелеными веночками [...] А чтобы дворцовая атмосфера была уж совсем роскошной, мы старые обои отдерем до голой фанеры и наклеим наш **помпадур** на чистое» (Т. Толстая. Изюм; здесь *помпадур* – ‘роскошное оформление’).

«Игнатий играл чисто и строго, прячась в музыке **от вторников** своей жизни» (В. Токарева. Рарака; здесь *вторники* – ‘будни’, ‘серое однообразие’).

Таким образом, говорящий не просто «блуждает» в паутине слов, но он имеет дело с некоторыми темами или, уже, лексическими группами и подгруппами: с синонимами и квазисинонимами, типа *скрида* -- *копна*, с гипонимами и гиперонимами типа *скворец* – *птица* или *вторник* – *будень*, с меронимами (словами, обозначающими часть от целого) типа *рука* -- *палец* и т.п. Изучая на подобных примерах процесс порождения речи, мы получаем представление о внутреннем устройстве словаря в сознании человека.

Но одновременно мы получаем также представление о природе слова во внутренней речи. Это некий «сгусток значения» или, как уже говорилось, узел в семантической сети, образуемый сочетанием наиболее характерных сем (элементарных компонентов значения). «Размытость» или «нечеткость» слова во внутренней речи означает в то же время его многомерную ассоциативную связь с другими словами – прежде всего, входящими в ту же лексико-семантическую группу.

К примеру, если взять русское слово *слеза* (употребляемое чаще во множественном числе – *слёзы*), то его план содержания во внутренней речи образуется такими семами, как ‘жидкость’, ‘горький, соленый’, ‘боль, несчастье’, ‘чистый, прозрачный’, ‘малое количество, капля’, ‘глаза’ и т.п. В той или иной коммуникативной ситуации отдельные семы могут

активизироваться, а другие, наоборот, уходят в тень. Сравним такие разные в этом отношении контексты, как: *Слёзы брызнули из глаз; Вода чистая, как слеза; Слёзы подступили к горлу; На срезе бревна выступили слёзы; Разве ж это деньги? Это слёзы!* и т.п.

А лексическое значение слова *кухня* образуется комбинацией таких сем, как: ‘помещение’, ‘для приготовления пищи’, ‘с соответствующим устройством (плита, печь и т.п.)’. Но мало того: на периферии этого лексического значения обнаруживаются и такие семантические компоненты, как: ‘неофициальная часть жилища’, ‘уют’, ‘творчество’, ‘сфера женского труда’, ‘чад, грязь’ и т.д. Отсюда и выражения типа *заглянуть в творческую кухню художника, «Какая кухня, такая и песня»* («Вокзал для двоих»), *«А шоферу подать на кухне»*, *«Мы с тобой на кухне посидим, Сладко пахнет белый керосин...»* и т.п.

Автору последних, только что процитированных стихотворных строк, поэту Осипу Мандельштаму, принадлежит и образное прозаическое выражение, которым очень уместно завершить эту лекцию:

«Любое слово является пучком, и смысл торчит из него в разные стороны, а не устремляется в одну официальную точку» («Разговор о Данте»).